

ГЛАДИАТОР

Все меньше родных и знакомых,
Все меньше подруг и друзей.
Душа не в чертогах искомых —
В развалинах, как Колизей.

Когда-то на этой арене
Я бился в поту и крови,
Пусть даже упав на колени,
Во имя добра и любви.

Я бился за правду и волю,
А не за богатство и снедь,
За эту счастливую долю —
За душу свою умереть.

Народ на трибунах бесился,
В меня оскорбления меча,
Но я от обид и бессилья
Не бросил щита и меча.

Века миновали... Пожары
Успели прошедшее сжечь.
Но я, все такой же поджарый,
Стою, опираясь на меч.

Давно опустели трибуны
В руинах кровавых веков,
Но дух мой — по-прежнему юный
И к новым сражениям готов.

Враги всё не выйдут из комы...
И память уже — как музей,
Где много родных и знакомых,
Где много подруг и друзей.

* * *

Декабрь по-прежнему сырой.
Как не устанут литься слезы?
Ты боль свою во мгле зарой,
Как под землю прячут лозы.

Не потому, что в этом есть
Бесстыдство, а на всякий случай.
Чтоб никому не надоесть,
Ты самого себя не мучай.

БЕССМЕРТНИК

Туман сгорающей листвы
висит над серою землею.
И ветер с ног до головы
испачкан пылью и золою.

Он прикасается к лицу,
к рукам холодным и одежде,
рассвета красную пыльцу
развеивая, как и прежде,

когда еще цвели сады,
ветвей настраивая лиру,
и не вели мои следы
в твою печальную квартиру,

когда и сам я не горел,
подобно листьям и рассвету,
души невидимый предел,
отодвигая ближе к лету,

совсем не ведая тогда,
что средь земных пространств безмерных
ей расцветать и в холода,
сухой и жесткой, как бессмертник.

* * *

Как пьянство вы мне надоели,
Наскучили все без изъятья.
Какие вы сестры и братья?
Зачем вы нужны, в самом деле?

Пусть к небу я полон был тяги,
Но в дикой земной круговерти
Не будет покоя бродяге
С душой, не подверженной смерти.

Что нового вы мне открыли?
Я стар уже духом и телом,
Чтоб снова распахивать крылья
Над сбродом людей оголтелым.

Молитесь о каждом безумце,
Со звездами чующем кровность.
Средь принятых вами презумпций
Главнейшая — это виновность.

И все-таки, вами судимый,
Скажу я последнее слово:
У мною любимой седины
Дороже мне счастья любого.

* * *

Который раз Россия гибнет!
Скользит тень смерти по лицу.
И человечья мразь к ней липнет,
как мухи липнут к мертвецу.

Но верю я: как и за десять
веков предшествующих, ей
вновь предназначено воскреснуть
среди бесчисленных смертей.

Меня тогда уже не будет
здесь, где иному будет срок.
Но Запад жизнь мою разбудит,
которую отверг Восток.

1991

* * *

Завалило сугробами улицы,
не проехать нигде, не пройти.
Зябко-зябко деревья сутулятся,
задыхаясь от ветра почти.

Нет тропинки к порогу родимому,
к пресловутому очагу.
И путями неисповедимыми
пробираюсь я в этом снегу.

Ни следа, ни малюсенькой вмятины
на чистейшей его белизне.
И печальный мой взгляд, но внимательный,
по сугробам скользит в полусне.

Я в каком-то теперь ожидании,
словно встречу кого-то сейчас,
и окончатся эти блуждания
для двоих отыскавшихся нас.

* * *

И все же ночь светла, хоть не видать ни тени,
Хоть черен мир вокруг, ночь все же не черна.
Она в огне своих волшебных сновидений
Горит не опаяясь, как будто купина.

Есть мир, в котором нет безумия и страха,
Где наполняет вас незримый этот свет,
Где время не бежит, а, словно черепаха,
Едва-едва ползет, — там даже смерти нет.

Я знаю этот край, безлюдный и счастливый,
Я забредал в него в скитаниях своих.
Светились надо мной оранжевые ивы,
Читали соловьи стихи для соловьих.

И я легко шагал по невозможным травам,
Не приминая их, стеблей не шелохнув,
И не был угнетен тем самым смыслом здравым,
Который схож с орлом, вонзившим в печень клюв.

Дав мыслям отдых, там работают лишь чувства,
Из кубиков цветных мир строя, как дитя.
И каждый Божий миг я истине учусь там,
Земной и звездный мир в один клубок сплетя.

Как бесконечна жизнь! В ее ночи горящей
Пронизан разум наш огнями маяков,
Которые зажег всезнающий наш пращур,
Нам душу — тайну тайн — вручил и был таков.

НОЯБРЬ НА ДОНУ

Обычная осенняя погода:
туман холодный, воздух неживой...
Коричневые листья на земле
с пожухлой сочетаются травой —
уж такова сегодняшняя мода
растений... Мокрые стволы в золе
как будто выпачканы. Ежится природа
от сырости. И воробьи молчат.
И ветер — вольный, сильный и родной —
стегает плетью облака плеча,
бегущие, резвясь, по небосводу,
как табуны коней в степи донской.

* * *

Я выпил больше, чем могу,
чтобы познать пределы жизни,
И все видения в мозгу
восстали в грозной укоризне.

Прошел я больше, чем могу,
все одолеть дороги силясь,
и на случайном берегу
мои колени подкосились.

Я видел больше, чем могу, —
такое в памяти отксерить
пришлось, что если и солгу,
то мог бы сам себе поверить.

Я знаю больше, чем могу,
чтобы любить людские лица,
чтоб не молиться на деньги,
а Богу искренно молиться.

* * *

Какая скука в этом мире,
где ясно все до мелочей,
где, словно бы в чужой квартире,
всё — не твоё и ты ничей.

О, эта дикая свобода!
Живи как хочешь и — умри!
Пусть сгинут в бездне небосвода
все лживые поводыри.

Там, где сплошное бездорожье
и человечьих нету лиц,
вовсю лицо сияет Божье
и небо, небо без границ.

Где тайна всё вокруг пронзает,
как будто молния — дубы,
и ты — единственный хозяин
своей души, своей судьбы.

* * *

Да, я теперь совсем другой.
Теперь в былое — ни ногой.
Каким мы ни был я сейчас —
среди сомнений ли мечась,
преодолеть судьбу ли тужась,
перенося ли боль и ужас
от завершенности дорог,
где красоту познать я смог, —
всё, всё утрачено навеки,
как вера в чудо у калеки,
и как надежда у отца,
что счастье ждет его мальчика,
который и сказать не может,
что радует его и гложет.

Но и во мне, совсем в другом,
которому глядят вдогон,
как прежде, с удивленьем те,
кто не отдался суете,
остаток радости живет
от жизни, что покинул Тот,
поднявшийся в иную сферу,
Кто дал надежду нам и веру
и всепрощение любви,
омыв сей мир в Своей крови.

* * *

Не спится... Полвторого...
На снег ложатся тени
от месяца большого —
домов, оград, растений.

И все так неподвижно,
так сонно и волшебю.
Душа — как будто хижина,
в которой жил отшельник.

И, как морозный воздух,
вдыхаю полной грудью
в сверканье льдинок острых —
безмолвье и безлюдье.

* * *

Краткое время счастья,
страсти мгновенной вспышку
я вспоминаю часто,
может быть, даже слишком.

Может быть, потому что
нету огня без дыма,
это меня так мучит, —
это невозвратно.

Нет ничего такого,
что бы продлилось долго.
«Вечность» — пустое слово,
как и понятие долга.

Вот и гляжу отсюда
с грустью, вполоборота,
как ожидает чуда
всё ещё юный кто-то.

* * *

Снова дует ветер зимы
по донскому низовью.
Как же так разлучились мы
со своею любовью?

Я не знаю веселых дум,
твоих чувств я не понимаю —
только ветра свинцовый шум,
как прелюдия к маю.

Где теперь ты? И как понять
эгоистку и сумасбродку?
На судьбу ни к чему пенять,
как пьянчуге на водку.

Если все подошло к концу
и морщины, как змеи,
расползаются по лицу —
глаз поднять я не смею.

И душа, словно дом во мгле
среди ночи — взгляни ты.
И стремится мой взгляд к земле,
как железо к магниту.

* * *

Следы лисиц, следы медведей...
О русский лес — береза, ель...
Ложится солнце блеском меди
на белоснежную постель.

Из деревенок дальних, ближних
пространство катит гулкий лай.
И режет снег на поле лыжник,
как будто белый каравай.

Размеренным и чуть ленивым
движеньем режет рыхлый хлеб,
что возвратила этим нивам
зима, да так, что мир ослеп.

И только — блеск, и только — пламя
морозное, и ты — гори,
как подоженные снегами
на ветках белых — снегири.

* * *

Какая ветренная ночь!
Какие влажные высоты!
Себя я спрашиваю: кто ты?
Вопрос уносит ветер прочь.

Ты кто? Скажи, где на земле
твои пожитки, грезы, дали?
Деревья мечутся во мгле,
как будто что-то потеряли.

Качают тени шар земной,
и дождь холодный щеки студит,
и звезд не видно надо мной,
и город полночью безлюден...

ПОДМОСКОВНАЯ ОСЕНЬ

1

Лес полон звуков неразгаданных,
и тишины, и прочих див.
И в чувствах, грустных или радостных,
не разобраться, побродив

по лесу тропами неторными.
И крикнуть хочется «ау!»,
давя ногами листья черные,
давно упавшие в траву.

2

Это мрачное небо меня подвело,
не оставив надежды на солнце.
Но холодным и пепельным тучам назло
зеленеют и ели, и сосны.

И светлеют, еще не успев облететь,
листья, полные лунного света.
Я хотел бы, коль время придет, умереть,
как российское тихое лето.

3

Снежинки, словно сонные ресницы,
зеленые глаза полей закрыли.
Синица мертвые сложила крылья —
не век же петь красавице синице.

И я усну, в бездушный мрак уставясь.
Не век же мне бродить по свету бодро?
Когда-то не найду сквозь осень брода,
войду в нее, и в ней навек останусь.

4

Тишина ударяется оземь,
словно снег, с небосвода летя.
Тишиною укутана озимь,
словно теплой одеждой — дитя.

Тучи бьются о солнце и, пенясь,
набегают опять и опять.
И зимы одинокая песня
принимается в сердце звучать.

5

Словно яблоко, осень у леса в ладонях:
желтым, красным, зеленым сверкают бока.
И, как озимь в полях бесконечно-бездонных,
в сердце всходы любви завиднелись слегка.

Вдалеке тянет песню невидимый поезд.
Как в лесу, ты затерян среди тишины.
А настил на болоте пружинист и порист, —
нам с тобою другие тропинки нужны.

6

Ты сквозь ветки увидела черного дятла.
Красный бинт чуть дрожал на его голове.
Скоро скажем с тобой: «Это было когда-то.
Счастье черными листьями сгнило в траве».

Счастье осенью поздней сбывается редко.
Эти дебри доступны холодным ветрам.
Но не ими — тобою задетая ветка
мне на сердце оставила маленький шрам.